

САЛМИНА Алла Александровна — к.соц.н., старший научный сотрудник лаборатории сравнительных исследований массового сознания Экспертного института Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, 20; aasalmina@gmail.com)

УСТАНОВКИ НАСЕЛЕНИЯ ПО ОТНОШЕНИЮ К СОЦИАЛЬНОЙ РОЛИ ГОСУДАРСТВА В РОССИИ И ГЕРМАНИИ

Аннотация. В статье представлены результаты сравнительного исследования социальных установок по отношению к социальной роли государства и факторов их формирования в России и Германии. Исследование проведено по данным Европейского социального исследования (ESS) за 2008 г. Автор проводит анализ не только на основе данных о Германии в целом, но и на отдельных выборках – западных и восточных земель. Цель такого сравнительного исследования – ответить на вопрос, существуют ли на сегодняшний день различия в установках населения западных и восточных земель Германии и можно ли говорить о сохраняющемся влиянии социалистического прошлого на установки и предпочтения восточных немцев. Сравнение Восточной Германии с Россией в данном случае позволяет не только выявить общие факторы, связанные с влиянием социалистического прошлого, но и лучше понять специфику социальных запросов россиян к государству.

Ключевые слова: социальные установки, запросы, государство, ценности, Россия, Германия

Модели социальной политики постсоциалистических стран за последние 20–30 лет претерпели значительные изменения. Изменились ли вслед за изменением институтов представления населения о роли государства в сфере социальной поддержки населения? Как изменились социальные запросы к государству, стало ли население менее патерналистически настроенным? Ответ на эти вопросы представляется особенно важным не только для подведения итогов, но и для определения дальнейшего направления социальных реформ.

На сегодняшний день социальные установки населения по отношению к социальной роли государства постсоциалистических стран, в т.ч. и России [Салмина 2012; Тихонова 2006], гораздо менее изучены, в отличие от ситуации в развитых западных странах [Alesina, Fuchs-Schündeln 2005; Cousins 2005; Kumlin, Svallfors 2007; Larsen 2008; Linos, West 2003; Svallfors 1997; Veghte, Shaw, Shapiro 2007]. Согласно данным существующих исследований, в начале 1990-х гг. в ряде постсоциалистических стран Европы по-прежнему доминировали эгалитаристские ценности и высокие социальные запросы к государству [Mason, Sydorenko 1992; Pakulski 1990]. При этом большинство таких сравнительных исследований были проведены по данным опросов 1990-х гг., в то время как почти нет работ по сравнению социальных запросов к государству постсоциалистических стран и стран Западной Европы в нулевых годах. В данной статье сделана попытка восполнить этот пробел на примере исследований России и Германии, а именно ее восточных земель. Изучение изменения социальных установок по отношению к государству населения Восточной Германии представляет особый интерес для сравнения с Россией. Несмотря на то что Восточная Германия представляет собой пример одной из наиболее успешных постсоциалистических трансформаций, на нее по-прежнему влияет социалистическое прошлое. Большинство исследований середины 1990-х – начала нулевых годов показывали, что в Восточной Германии идеалы и ценности социализма по-прежнему пользуются поддержкой среди населения [Fuchs 1999; Fuchs, Roller, Wessels 1997; Rohrschneider 1994, 1996, 2000; Roller 1994; Weil 1996]. Значительная часть восточных немцев по-прежнему предпочитают социальное и экономическое равенство в ущерб политической и рыночной свободе. В данной работе мы не только продолжим данное направление исследований, но и проведем сравнение с Россией. Кроме того, будут изучены факторы, определяющие особенности социальных запросов населения России и Германии.

Методология исследования и эмпирическая база

Эмпирической базой данного исследования послужили данные Европейского социального исследования (далее – *ESS*) за 2008 г.¹ Следует отметить, что выбор массива за 2008 г. совсем не умаляет ценность полученных результатов. Дело в том, что базовые ценности и социальные установки населения довольно устойчивы во времени и изменяются медленно [Larsen 2008; Linos, West 2003]. Об устойчивости ценностей и представлений восточных немцев о социальной роли государства свидетельствуют и данные предыдущих исследований [Alesina, Fuchs-Schündeln 2005; Rohrschneider 2000]. Сравнительный анализ данных опросов *ESS* за 2002 г. и 2008 г. по данным Германии также подтверждает устойчивость установок. Так, с высказыванием: «правительство должно принять меры для уменьшения разницы в доходах между людьми» согласились 77% населения Восточной Германии в 2002 г. и 83% – в 2008 г. Кроме того, опрос *ESS* за 2008 г. удобен для анализа ценностей и представлений населения России также тем, что опрос проводился до начала кризиса 2008–2009 гг., поэтому он не включает в себя временное увеличение запросов россиян в период кризиса 2008–2009 гг.

В данной работе для изучения социальных запросов населения по отношению к государству и влияющих на них факторов была использована методология измерения представлений населения о социальной роли государства (многомерные индексы), разработанная и апробированная нами в рамках предыдущих исследований. В частности, для измерения установок населения по отношению к государству по данным опроса *ESS*, помимо представлений населения о степени ответственности государства за реализацию отдельных социальных функций («обеспечение работой каждого, кто хочет работать», «обеспечение квалифицированной медицинской помощью тех, кто в ней нуждается», «обеспечение достойного уровня жизни людей в старости», «обеспечение достойного уровня жизни безработных», «обеспечение ухода за детьми работающих родителей», «предоставление оплачиваемого отпуска людям, которые вынуждены временно ухаживать за заболевшими членами семьи»), будет использован построенный нами многомерный индекс «Запрос на степень ответственности государства за решение ключевых задач социальной поддержки»². По сути, эти переменные измеряют отношение респондентов к степени возможной декоммодификации решения соответствующей социальной задачи.

В качестве индикатора советского прошлого по выборке Германии целесообразно было бы использовать данные о месте рождения респондентов (Восточная Германия). В связи с тем, что в опросе *ESS* нет данных о месте рождения респондентов, нами были использованы данные о месте проведения опроса (в Западной или Восточной Германии). Мы понимаем, что это довольно грубое допущение, но с учетом высокой доли миграции населения из восточных земель Германии в западные (и очень низкой – в обратном направлении) с 1990-х гг. по настоящее время можно предположить, что используемый нами индикатор во многом отражает место рождения и проживания немцев.

Для операционализации ценностей населения была использована классифика-

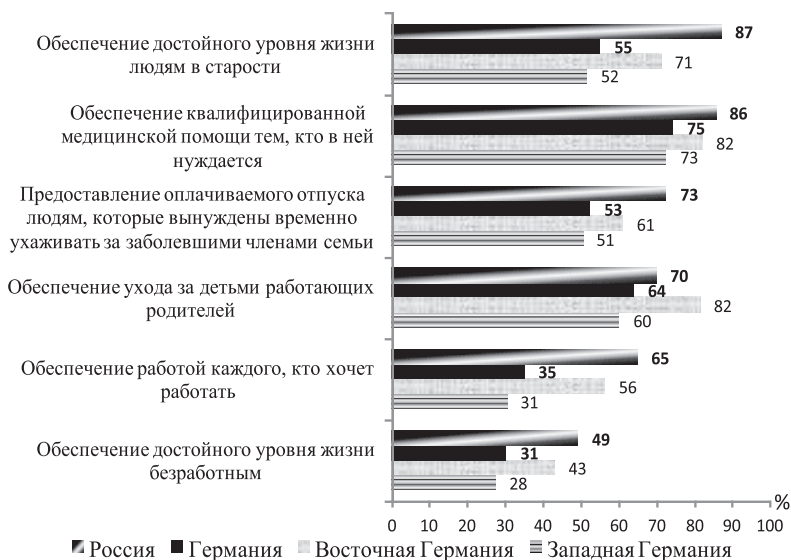
¹ В рамках подготовки массива *ESS* для анализа было введено несколько фильтров, а именно по гражданству и по возрасту (от 17 лет и старше). Из массива были удалены респонденты, которые не являются гражданами той страны, в которой проводился опрос, а также те, кто затруднился с ответом на этот вопрос. Таким образом, при проведении межстранового анализа в выборке стран присутствовали только их граждане, что позволило нам учесть влияние страны проживания на социальные запросы населения к государству. В качестве возраста для респондентов мы задали границу от 17 лет и старше. Данные по России и Германии взвешены с учетом дизайна выборки.

² Индекс «Запрос на степень ответственности государства за решение ключевых задач социальной поддержки» рассчитывался путем суммирования степени согласия респондентов с рядом высказываний, отражающих степень ответственности государства за реализацию ряда задач по социальной поддержке населения («обеспечение работой каждого, кто хочет работать»; «обеспечение квалифицированной медицинской помощью тех, кто в ней нуждается»; «обеспечение достойного уровня жизни людей в старости»; «обеспечение достойного уровня жизни безработных»; «обеспечение ухода за детьми работающих родителей»; «предоставление оплачиваемого отпуска людям, которые вынуждены временно ухаживать за заболевшими членами семьи»). При этом в качестве веса для каждой переменной при суммировании использовались факторные нагрузки.

ция ценностей Ш. Шварца, которая включает в себя 10 групп ценностей: власть-богатство, достижение, гедонизм, риск-новизна, самостоятельность, универсализм, благожелательность, традиция, конформность, безопасность.

Представления населения о степени ответственности государства в сфере социальной поддержки и защиты населения

Согласно данным опроса *ESS* за 2008 г. представления россиян и немцев о социальных функциях государства значительно отличаются. Россиянам в целом свойственны более высокие запросы к государству. При этом различается не только степень выраженности запросов на различные функции государства, но и их иерархия. Так, у россиян наиболее сильный запрос к государству на обеспечение достойного уровня жизни людей в старости (87%) и обеспечение квалифицированной медицинской помощью (86%) (см. рис. 1). Немцы, как и россияне, в первую очередь ждут от государства обеспечения квалифицированной медицинской помощью (75%), но запрос на обеспечение достойного уровня жизни людей в старости у них гораздо менее выражен (55%), в иерархии функций государства – только на 3-м месте. Второй по важности функцией государства для немцев является обеспечение ухода за детьми работающих родителей (64%). На последнем месте в иерархии функций государства у россиян и немцев – помощь безработным, особенно в виде пособий по безработице. Но важно понимать, что запросы россиян по этим функциям выражены почти в 2 раза сильнее: «обеспечение работой каждого, кто хочет работать» считают функцией государства 65% россиян и 35% немцев (разница в 1,9 раза), «обеспечение достойного уровня жизни безработных» – 49% россиян и 31% немцев (1,6 раза).

Источник: *ESS* (2008 г.), расчеты автора.

Рисунок 1. Процентная доля населения, считающего выполнение соответствующей функции задачей государства (выбравшие в качестве варианта ответа 8, 9 или 10 в шкале от 0 до 10, где 0 – «вообще не считаю это задачей государства», 10 – «это всецело задача государства»), %

Обобщенные цифры по Германии скрывают очень сильные различия между западными и восточными землями. Но перед тем как перейти к описанию различий, важно отметить, что иерархия социальных функций государства у западных

и восточных немцев одинаковая. Наиболее важно для населения Германии обеспечение квалифицированной медицинской помощью нуждающихся, на втором месте — обеспечение ухода за детьми работающих родителей.

Представления населения о степени ответственности государства за реализацию различных социальных функций в Западной и Восточной Германии по-прежнему сильно различаются. Население Восточной Германии возлагает большую ответственность на государство за реализацию большинства социальных функций (в среднем в 1,4 раза больше, чем в Западной). Главные различия в представлениях населения связаны с поддержкой восточными немцами активной патерналистской политики государства на рынке труда, и в первую очередь это касается обеспечения всех рабочими местами. Считают функцией государства «обеспечение работой каждого, кто хочет работать» 31% населения Западной Германии и 56% — Восточной (разница в 1,8 раза), «обеспечение достойного уровня жизни безработных» — 28% населения Западной Германии и 43% — Восточной (разница в 1,6 раза). Можно предполагать, что такие предпочтения относительно роли государства в сфере занятости являются одним из последствий социалистического прошлого.

По степени выраженности запросов население восточных земель Германии ближе к России, чем к западным землям. Доля населения, считающего данные социальные функции задачей государства, в Восточной Германии хотя и ниже, чем в России, но это различие не очень большое (запросы россиян в среднем в 1,1 раза выше, чем в Восточной Германии).

Наименьшее различие между Россией и Восточной Германией наблюдается по запросу населения на «обеспечение квалифицированной медицинской помощью» (запрос у россиян выше в 1,04 раза). Наибольший разрыв происходит по функциям «обеспечение ухода за детьми работающих родителей» (в 1,27 раза выше запрос у восточных немцев), «обеспечение достойного уровня жизни людей в старости» (в 1,22 раза выше запрос у россиян) и «предоставление оплачиваемого отпуска людям, которые вынуждены временно ухаживать за заболевшими членами семьи» (в 1,19 раза выше запрос у россиян).

Наиболее сильные различия между западными и восточными немцами — по степени ответственности государства за обеспечение всех рабочими местами. Именно запрос на эту функцию во многом отражает особенности социалистической модели рынка труда, когда государство берет на себя ответственность за трудоустройство граждан. И можно предположить, что высокий запрос восточных немцев — это во многом влияние социалистического прошлого. Но тот факт, что эти предпочтения сохраняются спустя 20 лет после трансформации, не может не обращать на себя внимание.

Нельзя не отметить, что, несмотря на сходство степени выраженности запросов россиян и восточных немцев, иерархия социальных функций государства у них различается. В Восточной Германии, как мы отметили выше, иерархия функций такая же, как и в Западной Германии. Наибольшее различие связано с представлением о роли государства в обеспечении ухода за детьми работающих родителей. Если для восточных немцев эта функция на 1-м месте, то для россиян — на одном из последних. В то же время наименее значима как для россиян, так и восточных немцев (а также западных) роль государства в помощи безработным.

Полагаю, что представленные цифры было бы неправильно оценивать сами по себе без связи с реальной ситуацией в различных сферах социальной политики двух стран и степенью удовлетворенности ряда потребностей населения. В Германии запрос на обеспечение ухода за детьми работающих родителей выше, чем на финансовую поддержку пенсионеров, т.к. в данном вопросе речь идет именно о степени ответственности государства, в то время как в Германии существует корпоративная модель социальной политики, в условиях которой бизнес финансирует пенсии граждан страны. В Германии, в отличие от России, уровень пенсий значительно выше. Кроме того, в России уровень предоставляемых социальных услуг гораздо ниже по сравнению с Германией. По данным за 2007 г. доля социальных расходов в процентах от ВВП в России была почти в 3 раза

ниже, чем в Германии (25,2% в Германии, 8,9% в России¹). В условиях, когда не удовлетворены базовые социальные потребности россиян (доступная качественная медицина, помощь пенсионерам и пр.), запрос к государству на удовлетворение этих потребностей выражен сильнее, что вполне ожидаемо.

Оценка населением России и Германии эффективности социальной политики государства и их запрос на социальную поддержку населения

Если социальные запросы населения России и Восточной Германии очень похожи, то оценка эффективности социальной политики государства населения этих стран кардинально различается. В качестве успешности реализации государством политики в социальной сфере мы использовали оценку населением положения соответствующих социально уязвимых групп, на помощь которым направлена эта политика, а также доступность соответствующих социальных услуг. Согласно нашим предыдущим исследованиям по данным *ESS* (2008 г.) [Salmina 2014] высокий запрос россиян к государству на реализацию различных социальных функций во многом связан с оценкой результатов эффективности политики государства в соответствующей сфере и оценкой положения отдельных социально уязвимых групп населения. При этом чем хуже россияне оценивают положение соответствующей социально уязвимой группы, тем больше их запрос к государству на усиление социальной политики в соответствующей сфере (все коэффициенты связи – отрицательные и значимы на уровне не менее 0,05).

Россияне, в отличие от восточных немцев, оценивают как неуспешную политику государства по всем рассмотренным нами направлениям. Наиболее тяжелым россияне считают материальное положение безработных (85%) и пенсионеров (81%) (см. рис. 2). Следует отметить, что именно по этим направлениям социальной политики государства сильнее выражена связь между оценкой положения соответствующих групп и запросом к государству на реализацию соответствующих социальных функций. Коэффициент Спирмена, отражающий связь между оценкой россиянами материального положения пенсионеров в стране и запросом на обеспечение достойного уровня жизни людей в старости, равен $-0,29$. Коэффициент Спирмена между оценкой положения безработных в стране и запросом на усиление ответственности государства за «обеспечение работой каждого, кто хочет работать» равен $-0,29$, с запросом на обеспечение достойного уровня жизни безработных – $(-0,26)$.

Наиболее сильные различия наблюдаются между Россией и Германией в оценке материального положения пенсионеров. Как плохое² его оценивают 81% россиян и 15% немцев (разница в 5,4 раза, а по сравнению с восточными немцами – в 7,4 раза), как очень хорошее³ – всего 1% россиян и 17% немцев. Меньше всего различается оценка населением обеих стран возможностей для работающих родителей устроить детей в детские сады. Оценивают их как плохие 51% россиян и 38% немцев (разница в 1,3 раза).

Различия в оценках успешности реализации государством различных социальных функций между западными и восточными немцами не такие однозначные. Наиболее сильные различия существуют между ними в оценке материального положения пенсионеров: плохим его считают 16% западных немцев и 11% – восточных (разница в 1,5 раза). Больше всего сходятся западные и восточные немцы в оценке материального положения безработных (оценивают его как плохое 48% западных немцев и 52% – восточных). Несмотря на одинаковую оценку населением положения безработных в Западной и Восточной Германии, характер ее взаимосвязи с представлениями населения о роли государства в реализации соответствующих функций в сфере труда и занятости различный. Эта связь в Восточной Германии выражена гораздо сильнее. Коэффициент Спирмена, связывающий оценку материального положения безработных в стране и запрос на усиление ответственности государства за «обеспечение

¹ <http://demoscope.ru/weekly/2010/0439/barom01.php>; Объем социальных расходов в России приведен по данным НИСП без учета расходов на образование, здравоохранение и спорт, культуру и СМИ. Доступ: http://www.socpol.ru/research_projects/doc/Table_Social_Expenditures_2002-2008_rus.pdf

² Сумма вариантов ответов 0, 1, 2, 3 в шкале от 0 до 10, где 0 – «очень плохое», 10 – «очень хорошее».

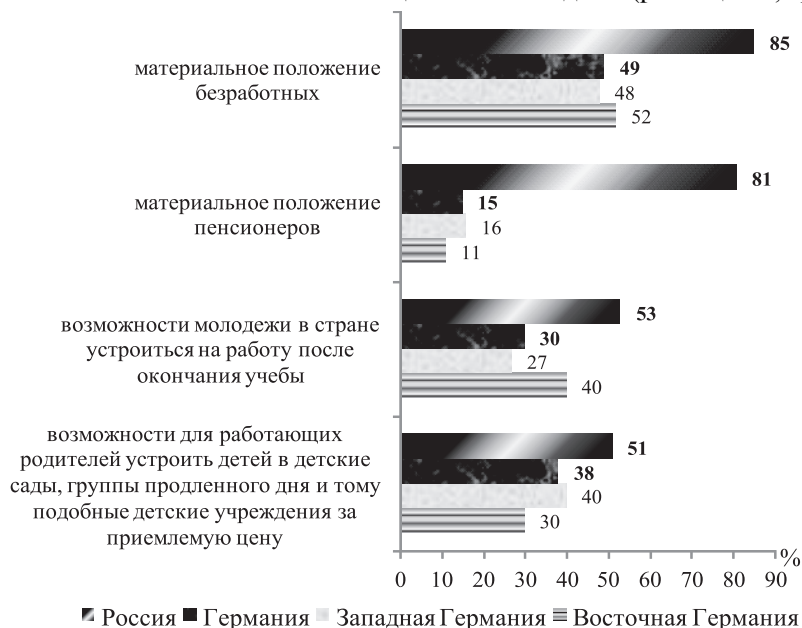
³ Сумма вариантов ответов 8, 9 и 10 в шкале от 0 до 10, где 0 – «очень плохое», 10 – «очень хорошее».

работой каждого, кто хочет работать», равен $-0,17$ в Восточной Германии и $-0,07$ в Западной Германии, запрос на обеспечение достойного уровня жизни безработных равен $-0,23$ в Восточной Германии и $-0,17$ в Западной Германии.

Самая сильная связь в западных и восточных землях Германии между оценкой возможностей молодежи в стране устроиться на работу после окончания учебы и запросом на функцию государства «обеспечение работой каждого, кто хочет работать». Коэффициент Спирмена по этим показателям в Восточной Германии равен $-0,26$, в Западной Германии – $(-0,20)$, по выборке объединенной Германии – $(-0,25)$ (для сравнения в России – $(-0,23)$).

В отличие от позиции россиян, нельзя утверждать, что восточные немцы склонны оценивать как плохое положение большинства социально уязвимых групп. Напротив, положение ряда групп они оценивают более положительно, чем западные немцы, в частности материальное положение пенсионеров и возможности для работающих родителей устроить детей в детские сады. Как очень хорошее оценивают положение пенсионеров 17% восточных немцев и 16% западных, возможности работающих родителей устроить детей в детские сады и ясли – 11% восточных немцев и 6% западных.

Негативная оценка восточными немцами реализации государством функций в сфере труда и занятости во многом может быть связана с более высоким уровнем безработицы в восточных землях Германии по сравнению с западными. Хотя, безусловно, и нет оснований отрицать влияние институтов социалистического прошлого, когда государство брало на себя обязательства в сфере занятости населения. Считают плохим материальное положение безработных 52% восточных немцев и 48% западных. Более сильные различия между западными и восточными немцами существуют в оценке возможностей молодежи устроиться на работу после окончания учебы: оценивают их негативно 40% восточных немцев и 27% западных (разница в 1,5 раза).

Источник: ESS (2008 г.), расчеты автора.

Рисунок 2. Оценка населением России и Германии социальных фактов, свидетельствующих об успешности/ неуспешности реализации государством своих функций в сфере социальной поддержки (негативная оценка¹), %

¹ Негативная оценка: сумма вариантов ответов 0, 1, 2, 3 в шкале от 0 до 10, где 0 – «очень плохое», 10 – «очень хорошее».

Менее взаимосвязаны в России оценка реального положения дел и запрос на усиление ответственности государства в отношении помощи родителям в уходе за детьми. Следует отметить, что коэффициенты связи между этими показателями самые низкие также по выборке Германии, а также ее западных и восточных земель. Более того, в восточных землях эта связь статистически незначима. Коэффициент Спирмена, связывающий возможности для работающих родителей устроить детей в детские сады и долю населения, считающего функцией государства «обеспечение ухода за детьми работающих родителей», в России составляет $-0,12$, в Германии – $(-0,72)$, в Западной Германии – $(-0,16)$, в Восточной Германии – $(-0,01)$.

На выборке объединенной Германии данная зависимость между запросом населения к государству на реализацию определенных социальных функций и оценкой положения соответствующих групп населения, на помощь которым направлены данные функции, более слабо выражена, чем в России. При этом слабее эта связь в западных землях Германии (коэффициенты корреляции во всех парах функций ниже, чем в восточных землях).

В целом высокий запрос россиян к государству, что было подтверждено и в наших предыдущих исследованиях, во многом связан с неудовлетворенностью реализацией соответствующих социальных функций государством [Salmina 2014]. Хотя в Восточной Германии эта связь выражена гораздо слабее, тем не менее она статистически значима и значительно выше, чем в Западной Германии. На основании этого можно было бы утверждать, что высокие запросы к государству восточных немцев связаны, как и в России, с нерешенностью социальных проблем в стране. Но очевидно, что в Восточной Германии это в меньшей степени соответствует объективной реальности. Кроме того, в Восточной Германии доля населения, оценивающего реализацию государством ключевых социальных функций как неэффективную, значительно ниже, чем в России, а по ряду функций – ниже, чем в Западной. Принимая во внимание данное наблюдение, можно предполагать, что за высокими социальными запросами восточных немцев к государству стоят не только объективные факторы, но и в большей мере уравнительные социальные установки, ценности, характерные для социалистического общества.

Факторы формирования социальных запросов к государству

Для анализа факторов, влияющих на особенности социальных запросов к государству населения России и Германии, по данным *ESS* (2008 г.) был построен ряд регрессионных уравнений¹. В качестве зависимой переменной, измеряющей социальные запросы населения, был использован построенный нами индекс «Запрос на степень ответственности государства за решение ключевых задач социальной поддержки». Была использована классическая линейная регрессия с использованием фиктивных переменных. Чтобы избежать мультиколлинеарности между факторами, в одну модель мы не включали переменные, сильно коррелирующие друг с другом.

В регрессионные модели вошли следующие переменные: самооценка уровня дохода, пол, семейное положение, интерес к политике, политические предпочтения, ценность «безопасности» (в шкале ценностей Ш. Шварца), самооценка уровня здоровья (см. табл. 1). Выбор ценности «безопасность» для данной регрессионной модели не случаен. Эта ценность сильнее всего взаимосвязана с зависимой переменной по выборке России. Кроме того, ценность безопасности особенно сильно выражена не только у россиян [Magun, Rudnev 2012; Магун, Руднев 2008], но и у восточных немцев [Herbert, Wildenmann 1991].

Аналогичные регрессионные модели были построены на выборках России, Германии, а также западных и восточных земель Германии. В модель по выборке Германии в целом был включен также дополнительный показатель, отражающий принадлежность респондента к западным или восточным землям Германии².

¹ В данной статье не представлены все построенные регрессионные модели – с ними можно ознакомиться по дополнительному запросу к автору статьи.

² В качестве такого показателя по данным *ESS* использовался вопрос о месте проведения опроса.

Итоговая регрессионная модель на выборках России и Германии представлена в табл. 1.

Таблица 1

Стандартизованные коэффициенты классической линейной регрессионной модели, в которой зависимая переменная — индекс «Запрос на степень ответственности государства за решение ключевых задач социальной поддержки»¹ (ESS, 2008)

	Германия	Западная Германия	Восточная Германия	Россия
Восточные земли Германии ²	-0,18**			
Живем на этот доход, не испытывая материальных затруднений	0,08	0,06	0,16*	0,14**
Этого дохода нам в принципе хватает	0,02	0,01	0,11	0,10**
Жить на такой доход довольно трудно ³	-0,04	-0,05	0,04	0,01
Мужской пол ⁴	0,06**	0,07*	0,06	-0,07**
Женат/замужем	0,04	0,05	-0,01	-0,03
Живем отдельно, хотя официально не разведены	-0,01	-0,01	-0,02	0,01
Разведены	-0,01	-0,02	0,02	0,02
Вдова, вдовец ⁵	-0,01	-0,01	-0,05	-0,06
Очень интересуюсь политикой	0,06*	0,08**	0,02	0,02
В некоторой степени интересуюсь политикой	0,08**	0,11**	0,00	-0,05
Мало интересуюсь политикой ⁶	-0,03	-0,02	-0,09*	0,01
Политические предпочтения («левый» — «правый») ⁷	-0,15**	-0,15**	-0,11**	0,01
Ценность безопасности	-0,21**	-0,19**	-0,29**	-0,31**
R ²	0,15	0,09	0,14	0,14

* Коэффициент значим на уровне 0,05.

** Коэффициент значим на уровне 0,01.

Как показал анализ, из рассмотренных нами показателей фактор принадлежности к западным или восточным землям оказывает самое сильное влияние на социальные установки населения Германии. Факт принадлежности к восточным землям Германии значительно повышает социальные запросы к государству. Восточным немцам по сравнению с западными характерны в целом более высокие запросы к государству в сфере социальной поддержки и защиты населения. На втором месте по силе влияния в Германии — самооценка уровня дохода и ценность безопасности.

Следует отметить, что при добавлении в модель по выборке Германии ценности «безопасность» снижается влияние фактора принадлежности к восточным землям Германии, в то же время влияние уровня дохода становится незначимым. Это может говорить о том, что различия немцев в социальных запросах к государству объясняются не только объективными показателями уровня жизни, но в большей

¹ Индекс измеряется в шкале от 0 до 45, где 0 — «государство вообще не должно брать на себя ответственность за эти социальные функции», 45 — «максимальная степень ответственности государства за выполнение этих социальных функций».

² Место проведения опроса в Германии. Контрольная группа — Западная Германия.

³ Контрольная группа — «жить на такой доход очень трудно».

⁴ Контрольная группа — женский пол.

⁵ Контрольная группа — «никогда не был официально женат (замужем)».

⁶ Контрольная группа — «совсем не интересуюсь».

⁷ Респондентам предлагалось оценить свои политические предпочтения на шкале от 0 до 10, где «0» — левый, «10» — правый.

степени ценностными различиями. Еще более выражены эти различия при сравнении регрессионных моделей, построенных отдельно по выборкам западных и восточных земель Германии.

Ключевое различие между западными и восточными землями Германии, а вместе с тем главное сходство между восточными землями и Россией связано с характером влияния на запросы населения уровня дохода и ценности безопасности. Показатель уровня дохода оказывает статистически значимое влияние на социальные запросы западных немцев, но оно значительно слабее, чем у восточных. Кроме того, при добавлении в модель пола и семейного положения оно становится совсем незначимым. В восточных землях Германии, как и по выборке России, влияние самооценки уровня дохода на запросы статистически значимо во всех регрессионных моделях. Общий характер влияния дохода во всех странах одинаков – при повышении уровня дохода запросы на социальную поддержку государства снижаются. Наиболее благополучным в материальном плане группам характерны самые низкие запросы на социальную поддержку со стороны государства.

В западных землях влияние ценности «безопасность» на социальные запросы сильное и статистически значимое, но оно значительно выше в восточных землях. Кроме того, в Восточной Германии и России оно примерно одинаковое и в 2 раза сильнее влияния самооценки уровня дохода.

Согласно данным предыдущих исследований [Magun, Rudnev 2012; Магун, Руднев 2008; Salmina 2014] можно говорить о том, что ценность «безопасность» (в классификации Шварца) в большей мере характерна для менее развитых стран Южной и Восточной Европы, включая Россию. В странах Западной и Центральной Европы ценность самореализации превалирует над ценностью безопасности. Восточная Германия является исключением из этого правила, хотя по уровню и условиям жизни она мало отличается от Западной Германии.

Заключение

Данные настоящего исследования позволяют говорить о сохраняющихся различиях в социальных запросах к государству и предпочтениях населения западных и восточных земель Германии. Спустя почти 20 лет после объединения Германии на установки и предпочтения населения восточных земель по-прежнему оказывает влияние социалистическое прошлое. Социальные запросы к государству на социальную поддержку и сокращение неравенства у восточных немцев в большей мере ближе к запросам россиян, чем у западных немцев.

Регрессионный анализ факторов детерминации социальных запросов к государству населения России и Германии позволяет говорить об общем характере формирования социальных запросов россиян и восточных немцев. В России и Восточной Германии особенно сильное влияние на социальные запросы населения, в отличие от Западной Германии, оказывает ценность «безопасность» (в шкале ценностей Шварца) и самооценка уровня дохода.

Сравнение России и Восточной Германии позволяет по-новому взглянуть на результаты наших предыдущих исследований и переосмыслить характер влияния ценности «безопасность» на социальные запросы населения. В предыдущих наших исследованиях сильное влияние ценности «безопасность» на социальные запросы россиян (а также населения ряда слаборазвитых стран Южной и Восточной Европы) мы объясняли общим ощущением социальной незащищенности и неразвитой системой страхования от различных рисков в стране. Запрос к государству диктуется в этом случае не нормативными ценностями, а базовыми потребностями в выживании. В этом случае выраженная ценность безопасности – это, прежде всего, актуализированный страх по поводу возможности успешного выживания. Пример Восточной Германии позволяет нам предполагать, что ценность безопасности не просто связана с низким уровнем дохода и социальной незащищенностью населения, но и является «наследством» институтов социалистического прошлого. Данный вывод является важным для понимания специфики социальных запросов и ценностей не только восточных немцев (и вместе с тем их отличия от западных), но и россиян. Возможно, что мы значительно недооцениваем влияние

социалистического прошлого на ценности и поведение россиян сегодня. В начале 1990-х гг. осуществился переход от социалистического режима к рыночной экономике и капитализму. Но произошел ли он в умах и предпочтениях россиян, или наше общество по-прежнему осталось «социалистическим»? Этот вопрос оставим открытым – как приглашение к дальнейшей дискуссии.

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 г.

Список литературы

- Магун В., Руднев М. 2008. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами. – *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. № 1(93). С. 33-58.
- Салмина А.А. 2012. Отношение населения к социальному неравенству: Россия в сравнении с другими европейскими странами. – *Материалы XIII Международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества*. В 4 кн. (отв. ред. Е.Г. Ясин). М.: ИД НИУ ВШЭ. Кн. 3. С. 87-95.
- Тихонова Н.Е. 2006. Оптимальная модель социальной политики в массовых представлениях. – *Социологические исследования*. № 12. С. 9-10.
- Alesina A., Fuchs-Schündeln N. 2005. Good bye Lenin (or not?): The Effect of Communism on People's Preferences. – *NBER Working Papers 11700*. National Bureau of Economic Research, Inc.
- Cousins M. 2005. *European Welfare States: Comparative Perspectives*. Sage Publications. 171 p.
- Fuchs D. 1999. The Democratic Culture of Unified Germany. – *Critical Citizens* (ed. by P. Norris). Oxford: Oxford University Press. P. 123-145.
- Fuchs D., Roller E., Wessels B. 1997. Die Akzeptanz der Demokratie des vereinigten Deutschland. – *Aus Politik und Zeitgeschichte*. 5 1/97. S. 35-46.
- Herbert W., Wildenmann R. 1991. «Deutsche Identität». – *Nation und Demokratie: Politische-strukturelle Gestaltungsprobleme im neuen* (ed. by R. Wildenmann). Deutschland, Nomos, Baden-Baden, Germany. S. 71-98.
- Kumlin S., Svallfors S. 2007. Social Stratification and Political Articulation: Why Attitudinal Class Differences Vary Across Countries. – *Social Justice, Legitimacy and the Welfare State* (ed. by S. Mau, B. Veghte). Aldershot: Ashgate Publishing, Ltd. P. 19-46.
- Larsen C.A. 2008. The Institutional Logic of Welfare Attitudes: How Welfare Regimes Influence Public Support. – *Comparative Political Studies*. Vol. 41. P. 145-169.
- Linos K., West M. 2003. Self-interest, Social Beliefs, and Attitudes to Redistribution: Re-addressing the Issue of Cross-national Variation. – *European Sociological Review*. Vol. 19. P. 393-409.
- Magun V., Rudnev M. 2012. Basic Values of Russians and Other Europeans. – *Problems of Economic Transition*. Vol. 54. No 10. P. 31-64.
- Mason D., Sydorenko S. 1992. Perestroika, Social Justice and Public Opinion. – *Ideology and System Change in the USSR and Eastern Europe* (ed. by M. Urban). N.Y.: St Martin's. P. 70-91.
- Pakulski J. 1990. Poland: Ideology, Legitimacy, Political Domination. – *Dominant Ideologies* (ed. by N. Abercrombie, S. Hill, B.S. Turner). London: Unwin Hyman. P. 38-64.
- Rohrschneider R. 1994. Report from the Laboratory: The Influence of Institutions on Political Elites' Democratic Values in Germany. – *American Political Science Review*. Vol. 88. P. 927-941.
- Rohrschneider R. 1996. Institutional Learning versus Value Diffusion: The Evolution of Democratic Values Among Parliamentarians in Eastern and Western Germany. – *Journal of Politics*. No 58. P. 442-466.
- Rohrschneider R. 2000. Transitional Democracies: The East/West German Model. – *Materials of the conference «Rethinking Democracy in the New Millennium*. University of Houston, 17-20 February.
- Roller E. 1994. Ideological Basis of the Market Economy: Attitudes toward

Distributional Principles and the Role of Government in Western and Eastern Germany. – *European Journal of Sociology*, 10: 105-117.

Salmina A.A. 2014. Social Attitudes towards Welfare Policies in Russia and Other European Countries. – *International Social Work*. Vol. 57. No. 5. P. 459-469.

Svallfors S. 1997. Worlds of Welfare and Attitudes to Redistribution: a Comparison of Eight Western Countries. – *European Sociological Review*. Vol. 13. No 3. P. 283-304.

Veghte B., Shaw G., Shapiro R. 2007. Social Policy Preferences, National Defense and Political Polarization in the United States. – *Social Justice, Legitimacy and the Welfare State* (ed. by S. Mau, B. Veghte). Aldershot: Ashgate Publishing, Ltd. P. 145-168.

Weil F. 1996. Western Political Culture and the Consolidation of Democracy in Eastern Germany. – *Materials of the Eighth International Conference on Socio-Economics*. Geneva, 12–14 July.

SALMINA Alla Aleksandrovna, *Cand.Sci.(Soc.)*, Senior Researcher of the Laboratory of Comparative Studies of Mass Consciousness, National Research University – Higher School of Economics (20, Myasnitskaya St, Moscow, Russia, 101000; aasalmina@gmail.com)

SOCIAL ATTITUDES OF THE POPULATION TOWARDS THE SOCIAL ROLE OF THE STATE IN RUSSIA AND GERMANY

Abstract. *The article presents the results of a comparative study of attitudes toward social role of the state and the factors of their formation in Russia and Germany. The study was conducted on the data of the European Social Survey (ESS, 2008). The author analyzes not only the data on Germany as a whole, but also on its Western and Eastern lands. The purpose of this comparative study is to answer the question if there are still differences in the attitudes of the population of West and East Germany, and whether the socialist past influences the welfare attitudes of East Germans. The comparison of East Germany and Russia helps not only to identify common factors associated with the influence of the socialist past, but also to understand the specifics of Russian welfare attitudes.*

Keywords: *social attitudes, demands, state, values, Russia, Germany*
